

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

ДНИ НАУКИ — 2024

**Сборник статей
по материалам научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых**

Калининград, 20—25 мая 2024 года

Научное электронное издание

**Калининград
2024**

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ДНИ НАУКИ — 2024

Сборник статей
по материалам научно-практической конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых

Калининград, 20—25 мая 2024 года

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2024

© БФУ им. И. Канта, 2024
ISBN 978-5-9971-0926-4

Ответственный редактор

И. Н. Тарасов

Рецензенты

*М. В. Берендеев, Л. Г. Дорофеева, Н. П. Жилина,
Т. Ф. Кузенная, Н. А. Куракина, В. В. Малащенко,
В. Н. Маслов, Е. Н. Самсонова, А. А. Тесля, Е. В. Харитонова,
И. Г. Черненко, Е. В. Шаповаленко*

Дни науки — 2024 : сборник статей по материалам научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Калининград, БФУ, 20—25 мая 2024 года) [Электронный ресурс] : научное электронное издание / отв. ред. И. Н. Тарасов. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/sborniki-trudov-konferentsiy/dni-nauki-2024/>.

Сборник отражает результаты работы научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, которая состоялась 20—25 мая 2024 года в Институте образования и гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. Оргкомитетом конференции были отобраны лучшие доклады участников 20 тематических секций по документоведению, истории, лингвистике, литературоведению, политологии, социологии, философии, языкознанию.

Предназначен для студентов, аспирантов и молодых ученых в области гуманитарных и общественных наук.

© БФУ им. И. Канта, 2024

ISBN 987-5-9971-0926-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беспалова А. Ю.</i> Фактуальное и фикциональное начала в сборнике Б. Шульца «Санатория под клепсидрой»	4
<i>Касинская Д. Н.</i> Автоматизированные способы фоносемантического анализа прагматического потенциала поэтического дискурса	9
<i>Лебедева А. В.</i> Военное управление в современной Калининградской области	15
<i>Логеева Е. С.</i> Активность форманта <i>-ak</i> в современном польском языке	21
<i>Марченко В. В.</i> «Своя ношка не тянет»: метафорический сюрприз в архетипических доминантах псковской фразеологии	26
<i>Митряшкин И. Е.</i> Бинарная оппозиция «жизнь — смерть» в рассказе С. А. Снегова «Валя отказывается от премии»	30
<i>Ольховская В. А.</i> Сказание о многотерпеливом Иоанне Затворнике Киево-Печерского патерика в контексте слова «О чистоте» Лествицы Иоанна Синайского	35
<i>Проскуряков В. А.</i> Понятие «свободы» в философии Дж. Ст. Милля	40
<i>Соколов Н. Р.</i> Анализ PR-кампаний Общероссийского народного фронта в Калининградской области	45
<i>Супонина С. А.</i> Образ «хрущёвки» в советском кинематографе второй половины 1950-х — 1960-х годов	51
<i>Фендеров Ф. Э.</i> Особенности передачи звукописи в поэтическом переводе	56
<i>Шабандрова В. А.</i> Особенности перевода просторечия как средства формирования образа персонажа	61
Сведения об авторах	66

А. Ю. Беспалова

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Малащенко

**ФАКТУАЛЬНОЕ И ФИКЦИОНАЛЬНОЕ НАЧАЛА
В СБОРНИКЕ Б. ШУЛЬЦА «САНАТОРИЯ ПОД КЛЕПСИДРОЙ»**

Проанализированы произведения, включенные в сборник Б. Шульца «Санатория под клепсидрой». Рассмотрено взаимодействие реального и фантастического аспектов в художественном мире Б. Шульца, использовавшего художественный метод магического реализма.

***Ключевые слова:** магический реализм, Б. Шульц, первичная и вторичная художественные условности, мифологизация*

Любой литературный метод обладает специфическими чертами, характеризующими его внутренний механизм воздействия на читателя. Изучение метода магического реализма интересно уже тем фактом, что сосуществование фактуального и фикционального начал, соотношение пластов жизнеподобия и фантастического в своей основе воплощает дихотомию, которая в рамках художественного произведения играет ключевую роль для реализации творческого замысла автора. Актуально, в частности, исследование характера использования этого метода в творчестве польского автора Бруно Шульца, которого сравнивают с Ф. Кафкой, Т. Манном и Р. М. Рильке.

Обратимся к теории. Термин «магический реализм» впервые употребляется в 1925 году в работе Франца Роо, посвященной анализу современной ему живописи. В устойчивое литературно-критическое понятие этот термин перевел Анхель Флоренс, который изначально считал его применимым исключительно к творчеству латиноамериканских авторов, таких как

© Беспалова А. Ю., 2024

Г. Г. Маркес, Х. Л. Борхес и т. д., однако впоследствии начал относить это понятие также к творчеству Ф. Кафки и М. Пруста [2, с. 55].

Интерпретация прозы Шульца в рамках методологии магического реализма, как ни странно, встречается нечасто. Ян Воленски в статье «Бруно Шульц и магический реализм» отмечает, что нашел у польских исследователей лишь два упоминания имени Шульца в текстах, посвященных магическому реализму: «Катажина Мрочковска-Бранд рассматривает превращение отца и аналогию между неисчислимостью и Богом как элементы магического реализма, а Ежи Фицковски пишет о фантастическом реализме, но относит его, скорее к изобразительному искусству Шульца, чем к его литературной деятельности» [3, с. 30]. Фицковски также указывает на многочисленные магические и мифологические элементы в прозе Шульца, которые и будут далее рассмотрены в статье.

Изучение творчества этого автора имеет довольно разветвленную систему литературоведческих, философских и даже религиозно-мистических подходов. Каждый из них имеет свое обоснование, но границы между ними довольно подвижны, что позволяет исследователям делать выводы, не исключаящие правоты друг друга.

Бруно Шульц — выдающийся писатель, художник, график. Он провел в Дрогобыче большую часть жизни, поэтому реалии этого места отразились и в его художественном, и в литературном творчестве. Несмотря на то что ни в одном из художественных произведений мы не встречаем прямого упоминания названия города, Дрогобыч угадывается в описаниях топоса вплоть до картографических подробностей.

Главной чертой произведений Шульца является бесконечно изменяющаяся материя, которая одновременно порождает и уничтожает новые виды своих формаций. Само время здесь не разворачивается в соответствии с физическими законами линейного течения, а производит боковые ветки и порождает «ненастоящие тринадцатые месяцы» (на одном из таких путей, как уведомляет нас автор, разворачивается действие как минимум одной из повестей в сборнике «Санатория под клепсидрой» [1] — «Гениальная эпоха»).

Центральная фигура большинства повестей сборника автобиографична, это отец героя — Иаков. Смерть Иакова в 1915 году стала огромной утратой для Бруно, переживавшего и наблюдавшего на протяжении своего детства и юности продолжительно развивающуюся болезнь отца. В творчестве Шульца Иаков предстает демиургом, способным на создание новых структурных систем реальности, его метафизическое преобразование существующей материи становится одной из движущих сил текста.

Можно сказать, что образ отца в «Санатории под клепсидрой» претерпевает множественные метаморфозы или же реинкарнации, постоянно возвращающие его к существованию, исключая факт уже случившейся его смерти в реальности.

Самой значительной попыткой этого оживления, конечно, следует признать глубокую и многогранную метафору самой Санатории под клепсидрой. Клепсидра — это водные часы, мистификация в этом вымышленном заведении во многом строится именно на основе введения мифологического течения времени. Первая часть слова «клепсидра» происходит от древнегреческого слова, означающего «красть, скрывать», что действительно происходит с временем в Санатории. В этом месте «отвели время назад», создав иллюзорный мир, в котором «половинчатую», одностороннюю экзистенцию продолжает Иаков.

События, описываемые в повести, одноименной со всем сборником, подобны распространенным мифам о путешествии героев в подземный мир, где они получают возможность встретиться с душами уже умерших, но вполне естественно, что миф этот у Шульца не имеет никакого героического подтекста, скорее, это попытка осуществить прощание, которое пугает своей неотвратимостью автора и заставляет его оставаться некоторое время в тянущейся веренице образов, которыми полнится Санатория.

Таким образом, мы действительно видим разрушающийся уклад течения времени, напрямую связанный с кончиной отца Иосифа, при котором последнему сложно до конца принять действительную утрату, что приводит к созданию фантастического локуса Санатории. В то же время фигура умирающего

отца постепенно рассеивается в окружающую действительность еще в ходе действия предшествующих рассказов, наполняя ее своей внутренней духовной жизнью, позволяя предметам перенимать часть своих черт, в которых узнают отца Иосиф и остальные члены семьи. Меняя маски, отец все равно остается деятельным и действующим героем, но попытка продлить его физическое, телесное существование, которое бы не претерпевало подобные реинкарнации, Иосифу в «Санатории под клепсидрой» не удастся. Это показывает, что творческое воскрешение отца для Шульца осуществимо только на базе собственных воспоминаний, но в контексте настоящего и будущего оно не приносит результатов, так как внутренняя жизнь Иакова уже закончилась.

При анализе сборника «Санатория под клепсидрой» мы находим многочисленные отсылки к Священному Писанию и, наверное, одна из самых заметных — выбор имен для действующих лиц. Известно, что имя Иаков действительно носил отец Бруно, но почему для художественного прототипа себя в юные годы Шульц выбирает имя Иосиф?

Толкователь снов Иосиф был любимым сыном Иакова от Рахили, что упоминается в Пятикнижии. В еврейской традиции толкования Писания мы также находим соответствие образа Иосифа понятию, употреблявшемуся позже в неоплатонизме, — «сфера йесод», «конечное, вмещающее бесконечность». Понятно, что имя в данном случае представляет собой аллюзию на события, описанные в Библии, и отражает особую связь между отцом и сыном, а также указывает на способности Иосифа видеть глубже остальных людей; при этом его провидение носит, конечно, в большей степени метафорический, нежели религиозный характер.

Таким образом, «Санатория под клепсидрой» — это не просто цикл новелл о становлении Иосифа, но также целый пласт переформированной реальности, окружавшей автора, смешение реалистических образов, связанных с фактическими событиями из биографии Шульца, с фантазмагориями, которые рождает экзистенция как уникальное переживание самого человеческого существования.

Список литературы

1. *Шульц Б.* Санатория под Клепсидрой // Шульц Б. Уцелевшие: сборник / пер. с пол. А. Эппеля. М. : Книжники: Текст, 2011. С. 165—487.
2. *Шаланова О. Л.* Магический реализм как художественный метод // Вестник науки. 2018. Т. 4, № 9. С. 54—57.
3. *Woleński J.* Bruno Schulz i realizm magiczny // Schulz/Forum. 2014. № 4. S. 29—42.

Д. Н. Касинская

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. А. Куракина

**АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СПОСОБЫ
ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Представлены результаты исследования отечественных и зарубежных автоматизированных систем фоносемантического анализа, прежде всего — методики работы этих программ с поэтическими текстами. Проведен сопоставительный анализ русскоязычных систем фоносемантического анализа и англоязычных систем сентимент-анализа, была протестирована система анализа звуко-цветовой ассоциативности текстов.

***Ключевые слова:** фоносемантика, фоносемантический анализ, сентимент-анализ, звуко-цветовая ассоциативность, автоматизированные системы/программы фоносемантического анализа*

Писателей и поэтов часто называют художниками слова — они с удивительной живописностью способны посредством слов воплотить внутренние миры и идеи на линованном листе бумаги, подобно тому, как художник возрождает красоту мира красками на холсте. Последние исследования в области звуко-цветовой ассоциативности свидетельствуют, что поэты действительно рисуют, и не только словами, но также звуками — на фоносемантическом уровне. Фоносемантика как наука подразумевает наличие немотивированной содержательной стороны звуков, то есть в сознании говорящего за звуками речи закреплены определенные фиксированные ассоциации, способные сообщать дополнительные смыслы на глубинном подсознательном уровне [5, с. 29]. С внедрением компьютерных

технологий в процесс работы с текстами не только услышать, но и «увидеть» звуки стало возможно благодаря современным системам автоматизированного анализа, основанным на исследованиях А. П. Журавлева и Л. П. Прокофьевой.

Проведенная еще в прошлом веке серия экспериментов позволила построить модель фонетического значения, а также таблицу звуко-цветовых соответствий звуков русского языка. Результаты работы были положены в основу программы ВААЛ-мини [7] и сервиса Звукоцвет.ру [6], которые и были использованы в настоящем исследовании. В качестве материала были выбраны стихотворения Иосифа Бродского «То не Муза воды набирает в рот...» [3] и «Около океана, при свете свечи...» [2].

Лирический герой обоих произведений — сам Бродский. Автобиографичность произведения выступает важным фактором при определении звуко-цветовой картины мира поэта, поскольку именно в произведениях, написанных от первого лица, обеспечивается наиболее полное участие фоносемантического уровня в реализации их прагматического потенциала. Это позволяет автору вступить в диалог с читателем и в процессе художественной коммуникации открыть перед ним свою звуко-цветовую картину мира [1].

Стихотворение «То не Муза воды набирает в рот...» — это размышление об угасании чувств, печальное изображение утраты и разочарования в бывшей любви. Печальное настроение создается с помощью повторяющегося в каждой строфе ударного звука [о] и поддерживается частым повторением звука [у], обладающего негативной коннотацией [4, с. 53], в четвертой строфе активно используются шипящие фрикативные звуки [ш], [ц], [с], [з], выражающие жертвенность и готовность пойти на все ради любимой женщины.

В результате фоносемантического анализа стихотворения с помощью программы ВААЛ-мини (рис. 1) стало ясно, что звуковому оформлению данного текста свойственны ярко выраженные сильные характеристики: мужественность, мощь, сила и грубость. Автоматизированный анализ звуко-цветовой ассоциативности стихотворения с помощью онлайн-сервиса Звукоцвет.ру определил, что его средний цвет — темно-красный или бордовый.

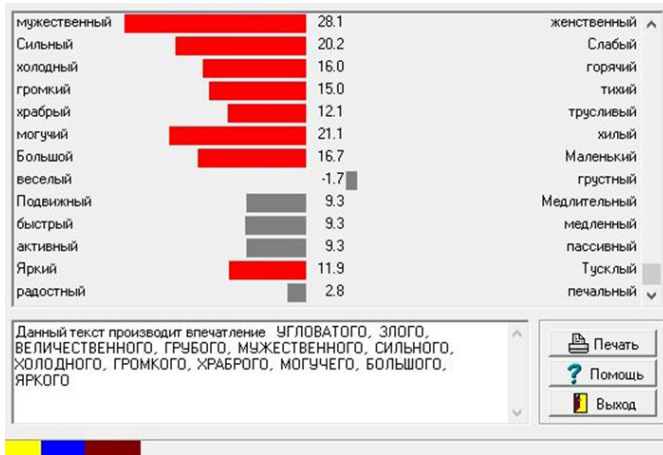

Рис. 1. Фоносемантический анализ стихотворения И. Бродского «То не Муза воды набирает в рот», выполненный программой ВААЛ-мини

Следующее анализируемое стихотворение, «Около океана, при свете свечи...», входит в цикл «Часть речи», являющийся своеобразным лирическим дневником поэта. Стихотворение содержит большое количество ярких художественных образов океана, поля, травы, божества Шивы, способствующих визуализации изображаемой поэтом картины в сознании реципиента. Красок сцене придают названия растений и описание луга, а также упоминания разных источников света. Бродский использует аллюзию к богу Шиве, который в индуизме олицетворяет статичное мужское начало вселенной, что добавляет произведению неподвижность и ощущение безвременности. Плавность и неспешность передают слова «дотянуться» и «сползающее», «прилип» и «вяло», а отсутствие действующего лица в стихотворении создает, с одной стороны, ощущение гармонии и спокойствия, с другой — пустоты.

Использование поэтом анафоры в строках «около океана», «при свете свечи», «прилип профиль» усиливает ощущение однообразности и растягивает фразы. На протяжении всего про-

изведения повторяются шипящие и свистящие глухие звуки, за счет которых создается ощущение шороха, шепота и шелеста. В результате фоносемантического анализа, выполненного программой ВААЛ-мини (рис. 2), было установлено, что данный текст производит впечатление тихого, тусклого, шероховатого, печального.

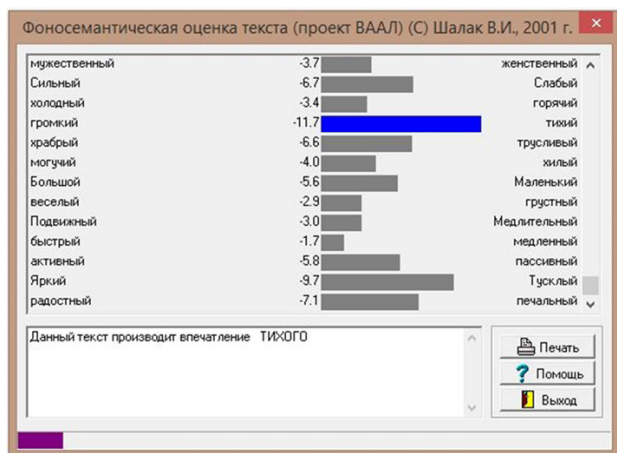

Рис. 2. Фоносемантический анализ стихотворения И. Бродского «Около океана, при свете свечи...», выполненный программой ВААЛ-мини

В результате анализа звуко-цветовой ассоциативности стихотворения его средний цвет онлайн-сервис Звукоцвет.ру определил как зеленый или салатный. Примечательно, что ассоциации со схожими оттенками на лексическом уровне вызывают рассмотренные нами употребляемые поэтом в произведении названия растений и описание дуга. Стоит также отметить, что и в стихотворении «То не Муза воды набирает в рот...», которое программа Звукоцвет.ру идентифицировала как темно-красный, встречаются такие слова как «кровь» и «горячо», ассоциирующиеся с красным цветом. Таким образом, есть основания полагать, что наполненность стихотворений в виде эксплицитно

выраженных лексических средств совпадает с конструирующими поэтическую форму имплицитно выраженными цветовыми номинациями.

Если поэт «чувствует» эти цвета и подсознательно кодирует стихотворения в определенные оттенки посредством его звукового обрамления, значит передать эту палитру необходимо и при переводе. Интересно посмотреть, сохраняется ли художественное чутье в процессе автоперевода и как решается вопрос культурно специфичной картины мира со свойственными каждой культуре собственными звуко-цветовыми ассоциациями.

Для решения этой задачи нами были взяты авторские переводы рассматриваемых стихотворений на английский язык, а также переводы А. Ховера, Д. Касинской и М. Ермоловой [8—10]. К сожалению, программ, способных осуществить фоносемантический анализ текстов, схожий с анализом, проводимым отечественными программами, на данный момент не существует, поэтому наиболее подходящим для проведения эксперимента оказался онлайн-сервис *Text2Data*, который проводит частичный фоносемантический анализ в виде сентимент-анализа текста, то есть анализирует его общее настроение, а соответственно, работает исключительно с категорией оценочности. Несмотря на это, данная категория, представленная в программе оппозицией позитивный / негативный, может быть сопоставлена с оппозицией добрый / злой в программе ВААЛ-мини.

Аналогов сервиса Звукоцвет.ру на английском языке не существует, что значительно затрудняет процесс выявления звуко-цветовой ассоциативности текстов и также не позволяет сопоставить их с оригиналами на русском языке, вследствие чего звуко-цветовой анализ был осуществлен вручную, с опорой на таблицу соответствий графонов английского языка (по Л. П. Прокофьевой). Были произведены подсчет частотности звукобукв каждого цвета и сравнение показателей в переводе автора и в других переводах.

Даже столь примерные и относительные сопоставления текстов оригиналов и переводов привели к впечатляющим результатам: стихотворения на русском языке, тяготеющие к оценке «злых» текстов, в авторском переводе и работе других перевод-

чиков также несли негативную коннотацию. В звуко-цветовом оформлении переводов стихотворения, окрашенного в зеленые тона, преобладают графоны, вызывающие ассоциации с желтым и зеленым цветами, в переводах стихотворения «То не Муза воды набирает в рот...» оказались довольно частотными графоны красного цвета.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с помощью использования художественных приемов на фоносемантическом уровне в сознании задействуются разные каналы восприятия, что буквально позволяет не только слышать, но и «видеть» смыслы, заложенные в поэзии, где каждый звук, как мазок краски на холсте, участвует в передаче полной картины.

Список литературы

1. *Азнаурова Э. С.* Прагматика художественного слова. Ташкент : Фан, 1988. 119 с.
2. *Бродский И.* Около океана, при свете свечи... URL: <https://www.culture.ru/poems/30960/okolo-okeana-pri-svete-svechi> (дата обращения: 24.07.2024).
3. *Бродский И.* То не Муза воды набирает в рот... URL: https://1strofa.ru/iosif_brodskiyto_ne_muza_vody_nabiraet_v_rot (дата обращения: 24.07.2024).
4. *Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка. М. : Высшая школа, 1974. 175 с.
5. *Журавлев А. П.* Звук и смысл. М. : Просвещение, 1991. 160 с.
6. *Звуковой анализ текстов.* URL: <http://zvukocvet.ru/> (дата обращения: 24.07.2024).
7. *Проект ВААЛ.* URL: <http://www.vaal.ru/> (дата обращения: 24.07.2024).
8. *Ховер А.* Folk tune. URL: <https://stihi.ru/2008/12/14/656> (дата обращения: 24.07.2024).
9. *Brodsky J.* A part of speech. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/57940/a-part-of-speech> (дата обращения: 24.07.2024).
10. *Brodsky J.* Folk tune. URL: <https://allpoetry.com/Folk-Tune> (дата обращения: 24.07.2024).

А. В. Лебедева

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Н. Самсонова

ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Проанализированы особенности военного управления в современной Калининградской области — эксклавному регионе на границе со странами — членами НАТО. Исследование акцентирует внимание на специфике военного управления в условиях геополитической напряженности и на необходимости обеспечения безопасности западного форпоста России. Охарактеризованы факторы, влияющие на военное управление в регионе.

Ключевые слова: *военное управление, эксклав, Калининградская область*

Военное управление — это комплекс мероприятий, проводимых государством для обеспечения национальной безопасности как в мирное, так и военное время. Институт армии в России всегда играл приоритетную роль с точки зрения обеспечения национальной безопасности и защиты интересов государства, примером может служить начало специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года. В Калининградской области военное управление исторически имело свою специфику по причине особенностей географического положения региона, наличия границы со странами НАТО и размещения одной из баз Балтийского флота.

В России военное управление каждого уровня опирается на широкую нормативно-правовую базу, закреплённую президентом на федеральном уровне. Благодаря этой нормативно-правовой базе обеспечивается эффективное функционирование

военного управления, а также определение компетенций, полномочий и ответственности различных уровней военной структуры. В Калининградской области имеет место четкая подотчетность этим документам, исключение в виде дополнительного устава действует непосредственно в воинских частях по региону.

Тенденция изменения в военном управлении в Калининградской области прослеживается в течение 2018—2024 годов. В таблице 1 приведено сравнительное сопоставление факторов, влияющих на реализацию военной политики.

Таблица 1

**Факторы, влияющие на реализацию военной политики
в Калининградской области**

Фактор	2018	2024
Транзит	Открытый; свободный	Ограниченный; закрытый
Позиция НАТО	Лояльность в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в России	Размещение вооружения в Европе; усиление военного контингента на границах с РФ
Военный округ	Западный	Ленинградский
Расходы бюджета РФ на оборону	2,77 трлн руб.	10,38 трлн руб.

Во-первых, серьезным фактором стало ограничение транзита, которое сказалось на количестве поставок в эксклав и увеличило длительность логистики. Военно-политический блок НАТО усилил свое присутствие в Европе, где регулярно стали размещаться вооружения США. Обострение на южных российских границах сказалось и на ситуации вокруг Калининградской области как форпоста России на западе [1, с. 40]. Ответным действием России стала модернизация военных округов. Сейчас Калининградская область включена в состав Ленинградского военного округа, что было сделано для существенного усиления западных границ страны. Также следует отметить колоссальную разницу в объемах затрат на оборону. По информации Министерства финансов РФ, расходы в 2024 году составят 10,38 трлн руб., что почти в четыре раза больше в сравнении с 2018 годом.

Говоря о геополитической значимости факторов, которые влияют на военное управление в регионе, целесообразно сравнить калининградский эксклав с другими субъектами РФ (табл. 2).

Таблица 2

**Факторы, влияющие на военную политику
в разных субъектах РФ**

Фактор	Субъект РФ		
	Калининградская область	Республика Крым	Пермский край
Положение	Окружена странами НАТО	Близость к зоне СВО	Полностью внутри страны
Главный актор военного управления	Балтийский флот	Черноморский флот	Военный комиссариат; Росгвардия
Приоритетная задача	Оборона от стран НАТО	Сохранение стабильности и оборона границ России	Правопорядок в субъекте

В дополнительной и наиболее эффективной защите субъект нуждается, когда находится на границе с иностранными государствами. В случае Калининграда это страны — члены военно-политического блока НАТО. Но еще более значимым фактором может послужить непосредственная близость к эпицентру военных действий. Здесь ярким служит полуостров Крым, расположенный в максимальной близости к зоне СВО. Более благоприятным фактором для военного управления в регионе считается его нахождение внутри страны, как, например, в случае Пермского края. Если на территории субъекта РФ размещены важные военные объекты или есть другая стратегическая инфраструктура, то и ответственность за реализацию задач военного управления будет лежать на высшем оперативном органе этого субъекта. В случае Калининграда решающее значение имеют акватория Балтийского моря и наличие одной из баз Балтийско-

го флота, который и реализует военное управление в эксклаве. В аналогичной ситуации находится полуостров Крым. Акватория Черного моря и расположение базы Черноморского флота обусловили ответственность флота данного региона за военное управление на полуострове. В случае субъекта, находящегося полностью внутри страны, приоритетным будет считаться правопорядок на данной территории. В российских регионах чаще всего за это отвечают войска национальной гвардии. Таким образом, геополитический фактор играет первостепенную роль в реализации военного управления.

Для понимания особенностей региональных органов, которые в приоритетном ключе формируют военную повестку на территории Калининградской области, рассмотрим сравнение по трем ключевым критериям в таблице 3.

Безусловно, каждый из органов имеет конкретную зону ответственности. Высшее командование в Калининградской области осуществляет штаб Балтийского флота, стоящий во главе военного управления в регионе. Также важно упомянуть, что каждый орган осуществляет взаимодействие с исполнительной властью, организуя совместные мероприятия и реализуя общие цели по обеспечению безопасности эксклава. Говоря о ключевых региональных особенностях, следует отметить, что органы управления учитывают особенности региона и возможную угрозу со стороны Североатлантического альянса. В каждом подразделении это проявляется по-своему. Войска и органы Федеральной пограничной службы РФ, обеспечивая защиту интересов страны на государственной границе в пределах Калининградской области, должны исходить из наличия как существующих, так и потенциальных внешних и внутренних угроз пограничной безопасности Российской Федерации. К таковым относится, например, попытка США и НАТО создать буферную зону из стран Балтии и некоторых государств СНГ [3, с. 4]. Военный комиссариат расширяет региональные практики, связанные с призывом: в Калининградской области это увеличенное число квот на кандидатуру для прохождения срочной службы в Президентском полку. Тем не менее у каждого органа в приоритете стоит защита национальных интересов.

Региональные органы Калининградской области, формирующие военную повестку

Критерий	Орган				Пограничная служба
	Балтийский флот	Комендатура	Комиссариат		
Зона ответственности	Защита Калининградской зоны, Балтийского моря / командование всеми органами военного управления в регионе	Надзор за военной инфраструктурой и военнослужащими региона	Призыв на военную службу, осуществление мобилизации		Охрана границ и таможен, контроль на пограничных пунктах
Взаимосвязь с гражданской государственной службой	Региональная безопасность / патриотическое воспитание	Охрана и безопасность / совместные действия при ЧС	Подготовка при мобилизации / проведение призывных комиссий / информационные кампании		Информационный обмен / контроль границ и товаров
Региональная особенность	База в городе Балтийск / ключевой актер военного управления регионом	Усиленная безопасность из-за наличия стратегических объектов	Региональные практики по повышению престижа службы		Усиленная охрана границ со странами НАТО

Важно отметить, что тенденция к усиленному обеспечению безопасности в Калининградской области проявляется через дополнительное вооружение. В 2021 году завершилось формирование новой 18-й мотострелковой дивизии, которая усилила 11-й армейский корпус Балтийского флота. Минобороны РФ продолжает отправлять в российский анклав модернизированные танки и новые боевые машины пехоты для усиленной ПВО. В регионе расположен новейший оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер-М». Еще одним крупным проектом по усилению западного форпоста стала реконструкция главной военно-морской базы Балтийского флота в Балтийске, начатая в 2021 году. Сейчас реконструированная база открыта для кораблей любого ранга [2].

Таким образом, в Калининградской области вследствие ее эксклавного характера сложилась особая система военного управления. Она проявляется в наличии приоритетного органа, отвечающего за командование, распределение военных ресурсов и принятие ключевых решений в области обороны на данной территории (штаб Балтийского флота). Во-вторых, регион следует четкому направлению военно-политической повестки на территории. Это защита и поддержание безопасности самого западного форпоста от внешних приграничных угроз со стороны военно-политического блока НАТО.

Список литературы

1. *Зверев Ю. М.* Эволюция военно-стратегического значения Калининградской области в контексте отношений России и НАТО // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2022. № 1. С. 31—43.
2. *Новую мотострелковую дивизию под Калининградом сформируют к осени.* URL: <https://flot.com/2021/БалтийскийФлот6/> (дата обращения: 08.05.2024).
3. *Прохорова Е. Н.* Современные угрозы безопасности эксклавным территориям как объект государственно-правового анализа (на примере Калининградской области) // Вопросы безопасности. 2017. № 6. С. 1—7.

Е. С. Логеева

Научный руководитель — канд. филол. наук, ст. преп. Е. В. Шаповаленко

АКТИВНОСТЬ ФОРМАНТА -АК В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрена активность форманта -ак в польском языке. Дана характеристика форманта, проанализирована его семантика, выявлены основные функции (номинативная, экспрессивная). Отмечены высокая активность форманта в сфере разговорной лексики и снижение его продуктивности на рубеже XX—XXI веков.

Ключевые слова: польский язык, словообразование, формант -ак, суффикс, разговорная лексика

В научной литературе термин формант (аффикс) определяется следующим образом: «Аффикс (от лат. affixus — прикрепленный) — служебная морфема, минимальный строительный элемент языка, присоединяемый к корню слова в процессах морфологической деривации и служащий преобразованию корня в грамматических или словообразовательных целях; важнейшее средство выражения грамматических и словообразовательных значений; часть слова, противопоставленная корню и сосредоточивающая его грамматические и/или словообразовательные значения» [2, с. 59].

В польскоязычной научной литературе мы встречаем следующее определение аффикса: «Аффикс (аффиксальная морфема) — это связанная, не являющаяся корнем морфема, образующая, однако, в сочетании с корнем (и, в случае возможности, с другими аффиксами) грамматическое слово» [4, с. 75].

В обоих определениях необходимо отметить важную характеристику аффикса: это служебная или же связанная морфема. Как пишет Г. О. Винокур, собственным значением, какое име-

ют основы слова, аффикс не обладает, но обладает значением в мере, позволяющей изменить значение первичной основы, внося в смысл основы модификацию [1, с. 425]. Эта способность вносить модификации является одной из основных функций аффикса.

Как известно, существует несколько типов формантов. Изучаемый нами формант *-ak* — суффикс, то есть аффикс, помещаемый за корнем, участвующий в слово- и формообразовании. Мотивирующими словами в работе с этим формантом выступают существительные всех родов: *dziób* → *dziobak* (утконос), *malina* → *maliniak* (малинник), *mleko* → *mleczak* (молочный зуб); прилагательные: *przystojny* → *przystojniak* (красавчик); глаголы: *plywać* → *plywak* (пловец); числительные: *pierwszy* → *pierwszak* (первоклассник, первокурсник) и местоимения: *swój* → *swojak* (земляк, свояк) [3, с. 303—305]. Мотивированные/производные слова — всегда существительные мужского рода.

Исследователи выделяют следующий ряд словообразовательных категорий слов, образованных при участии форманта *-ak*:

1) производитель действия: *pijak* (пьяница, то есть тот, кто пьет). Мотивирующими словами в этом случае обычно выступают глаголы;

2) названия жителей: названия жителей городов с формантом *-ak* — это обычно разговорные эквиваленты официальных названий (*warszawianin* → *warszawiak*, *poznanianin* → *poznaniak*, *lwowianin* → *lwowiak*), однако слова, образованные от названий стран и исторических районов, носят нейтральный характер (*Austriak* (австриец), *Poznaniak* (житель Познаньского воеводства), *Krakowiak* (житель Краковского воеводства)). Чаще всего мотивирующими словами здесь выступают существительные;

3) формы, называющие людей с точки зрения их деятельности / активности): Э. Краснодембска указывает, что мотивирующими словами для слов этой категории выступают прилагательные [6, с. 40]. Также исследовательница отмечает, что дериваты этой группы часто выражают негативное отношение говорящего к тому, о чем идет речь. Пример словообразовательной пары: *partyjny* (партийный) → *partyjniak* (“członek partii komunistycznej” — член коммунистической партии);

4) патронимы и диминутивы: данные категории объединены нами, так как слова первой категории в современном польском языке представляют закрытый и устоявшийся класс слов. Х. Гертнер указывает на взаимосвязь этих двух категорий [3, s. 305—306]. Ученый считает, что уменьшительно-ласкательные формы с суффиксом *-ak* могли быть образованы по аналогии с патронимами: ср. диминутивы типа *oślak* (ослик), *kociak* (котик), *pniak* (пенёк) и патронимы *Księdzak*, *Jakóbiak*;

5) прозвища: эта категория близка предыдущей, так как прозвища в польском языке, как пишет Х. Ядацка, часто образуются от фамилий и аббревиатур, например: *Wałęsa* → *waleśniak*, *UJ* (*Uniwersytet Jagielloński*) → *ujociak* [5, s. 87]. Часто дериваты этой категории отличаются уничижительным стилистическим оттенком;

6) конкретные названия предметов или животных. Формант *-ak* с данным словообразовательным значением отличается более высокой продуктивностью, чем с другими. Больше всего дериватов, используемых в речи, исследователи отмечают в период с 1945 по 1969 год. Среди них: *benzyniak* (машина, работающая на бензине), *zwierzyniak* (зверинец), *kiszeniak* (маринованный огурец), *ceglak* (кирпичный дом). В 1990—2000-е годы, как указывает Э. Краснодембска, в других категориях высокой продуктивности форманта не наблюдается, однако в этой группе дериватов мы видим активность выше обычной [6, s. 41—42]. Среди словообразовательных пар этого периода можно назвать: *gumniak* (резиновые сапоги), *ogólniak* (*liceum ogólnokształcące* — общеобразовательный лицей) и др.;

7) инструменты: *czerpak* (ковш, черпак), *jarzyniak* (маленький нож для чистки овощей), *kąciak* (скульптурный инструмент, используемый для удаления материала с углов). Особенно активен формант *-ak* с таким значением был в 1945—1969 годах, что было связано с интенсивным развитием науки и техники. В этой группе слов можно обнаружить много специальных терминов, однако большинство слов (например, упомянутый *czerpak*) стилистически нейтральны;

8) характеризующие существительные: *bielak* (заяц-беляк, редко: альбинос), *pozytywniak* (от *pozytywny* (позитивный)), *przystojniak* (красавец, красавчик). Обычно дериваты этой группы образуются от прилагательных.

Из проведенного нами исследования можно сделать вывод, что одна из основных функций форманта *-ak* — номинативная. Исследователи также отмечают экспрессивную функцию и реализацию тенденции к экономии речевых усилий, связано это тем, что формант *-ak* особенно продуктивен в сфере разговорной лексики [6, s. 44—45].

Эти же особенности активности форманта поспособствовали тому, что к рубежу XX—XXI веков продуктивность форманта снизилась. Связано это как с лингвистическими (эмоциональная лексика быстро устаревает), так и с экстралингвистическими факторами. Как мы уже упомянули, формант *-ak* обладает номинативной функцией, образованные с его помощью дериваты называют в первую очередь объекты действительности. С изменением мира меняется и язык. В этой связи особый интерес представляет словообразовательная категория «инструменты»: мы указали, что наиболее продуктивным формант с таким значением был в первое послевоенное двадцатилетие, и связано это с развитием науки и техники. Образованные в то время дериваты часто были специальными терминами, использовались в узких кругах, некоторые из них становились и общеупотребительными, а некоторые могли уйти из употребления, так как, к примеру, какой-то инструмент больше не использовался.

Список литературы

1. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию. М. : Учпедгиз, 1959. 492 с.
2. *Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г.* Аффикс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 59—60.
3. *Gaertner H.* Gramatyka współczesnego języka polskiego. Lwów ; Warszawa : Książnica — Atlas, 1934. Część III, 1 : Słowotwórstwo. 342 s.
4. *Grzegorzyczkova R., Laskowski R., Wróbel H.* Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 634 s.

5. *Jadacka H.* System słowotwórczy polszczyzny. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. 201 s.

6. *Krasnodębska E.* Produktywność formantu -ak w dziesięcioleciu 1990—2000 (w porównaniu z okresem 1945—1989) // *Poradnik językowy.* 2004. № 4. S. 35—45.

В. В. Марченко

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Т. Ф. Кузенная

**«СВОЯ НОШКА НЕ ТЯНЕТ»: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ СЮРПРИЗ
В АРХЕТИПИЧЕСКИХ ДОМИНАНТАХ ПСКОВСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Рассмотрена роль диалектной лексики в создании «метафорического сюрприза» в корпусе псковской фразеологии с архетипическим основанием. Произведен диалектный и этимологический анализ фразем, составлен лингвокультурологический комментарий комплекса паремий, выявлены уникальные черты культурного и языкового регионального кода.

***Ключевые слова:** фразеология, лингвокультурология, «метафорический сюрприз», культурные архетипы, диалектизмы*

Для современной лингвокультурологии фразеология — один из важнейших компонентов в контексте изучения языковой картины мира. Исследовательская традиция, заложенная В. В. Виноградовым, стремительно развивается и сегодня. В 1990-е годы в фокус исследования «падают культурно обусловленные аспекты функционирования фразеологической системы», что позволяет назвать фразеологию «особой подсистемой языка», непосредственно связанной с культурой [1, с. 7, 8].

Одним из инновационных для данной сферы способов анализа корпуса фразеологических единиц стал метод структурно-семантического моделирования В. М. Мокиенко, который вслед за Б. А. Лариним учитывает тесную зависимость «исторического анализа фразеологизма» от «диалектного материала» [2, с. 23].

Лингвокультурологический метод М. Л. Ковшовой отражает роль фразеологизма в «языковой концептуализации мира»

© Марченко В. В., 2024

[3, с. 2], связывает его с глубинными установками национальной культуры. Внутренняя форма образных знаков языка, по мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «важнейшая категория современной фразеологии» [1, с. 233], а ее мотивация является «существенной частью плана содержания» [Там же, с. 153] фразеологизма. Поэтому исследователи обращаются к стратегии толкования двухуровневой культурной мотивированности (М. Л. Ковшова) и «узнавания как концепта» в сознании носителя языка (А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский) [Там же, с. 136].

Данная работа отсылает к термину «метафорический сюрприз» Н. Д. Арутюновой, применение которого возможно при соблюдении принципа изоморфности в образно-семантической структуре идиом. Для нас его проекцией является диалектный элемент в поговорках. При дешифровке с помощью этимологических и диалектных словарей с сопровождением лингвокультурного комментария раскрывается метафорическая основа, и эффект «сюрприза» развеивается.

В модель фразеологизма входит архетипический элемент. Он относится к первой составляющей в культурной коннотации — «мифологической». Как считал К. Г. Юнг, архетипы имеют бессознательную природу и особенно символически насыщены, потому что «универсальны, распространены во времени и пространстве» (см.: [3, с. 150]).

Именно корпус фразем «Словаря псковских пословиц и поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [5] позволяет проследить, как ярко выраженное диалектное основание поговорок с архетипической моделью способствует созданию «метафорического сюрприза» на двух уровнях культурной мотивации — понимании и декодировании.

Интересна парадигма описываемых единиц живой речи через призму противопоставления архетипов «свой» / «чужой». Они связаны с идентичностью человека, осознанием «принадлежности к некоторой социальной группе» [4, с. 16]. В словаре находим следующие примеры: *своя ношка не тянет; свои воззри солонь, а чужие кислы; для того свинья иным голосом запела, что не своего кормухватила; свои сухари лучше чужих пирогов*. Первый пример является диалектной вариацией узу-

ального фразеологизма *своя ноша не тянет*. Диалектное *возгри* у В. И. Даля и В. М. Мокиенко — «сопли» или «ноздревая слизь» [5, с. 169]. Компонент «солоности» во внутренней форме фразеологизма может быть связан с неудачей; В. М. Мокиенко фиксирует, что псковичи так говорят о «внезапно переменявшем жизнь в худшую сторону, хлебнувшем горя человеку» [Там же, с. 117]. В то же время второй компонент — «кислы», относящийся к чужому пространству, имеет отрицательную коннотацию. Так называют человека с «недовольным», «окислившимся» видом (*подавать кислого*, по В. М. Мокиенко, — «встречать негостеприимного человека»).

Временные оппозиции *день* и *ночь*, наименования сезонов относятся к аграрному календарю, отражают древние земледельческие представления о годовом цикле, например *лето припасиха, зима — прибериха; весной Георгий, летом Николай съ коромысломъ, въ осень съ мостомъ, зимою зъ гвоздемъ* (из месяцеслова). Дихотомия сопровождается наименованием ритуальных предметов и типологических действий, свойственных определенному времени года (*сани* и *телега* как средства перевозки грузов и передвижения), упоминанием имен святых Георгия и Николая (что свидетельствует о синкретичности религиозного и аграрного календаря в крестьянском сознании).

Комплекс пространственных архетипов, таких как «небо / земля» сопровождают следующие тематические доминанты: «молодость» и «старость»: *Вот балёт чылавёк, приходят и говорят: а кутьёй ишиё не пахнет?; в землю пойти / идти / глядеть / прибираться / лечь; страх — как дадут тебе мальцы, неба с авчинку покажецца; дело и безделье — никуда не пристроивши, балтаицца между неба и зямли; без дела жить — только небо коптитъ*. Здесь бинарная оппозиция «молодой / старый» идентична более общей: «жизнь / смерть». По М. Фасмеру, *кутья* — это «кушанье из риса или другой крупы с медом и с изюмом» [6, с. 435], употребляется на поминках.

Таким образом, примеры с архетипической составляющей в псковской фразеологии позволяют проследить структурную роль диалектной лексики в создании «метафорического сюрприза», а его понимание, относящееся к сфере культуры, и де-

шифровка с помощью этимологических и диалектных словарей предоставляет возможность зафиксировать особенности национально-культурной мотивации фразеологических единиц.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. М. : Издательский дом ЯСК, 2024. 280 с.
2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1989. 288 с.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. 453 с.
4. Кузенная Т. Ф., Лебедева В. Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: «свои» vs «чужие» // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 2. С. 15—22.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель: АСТ, 2007. Т. 2. 672 с.

И. Е. Митряшкин

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. П. Жилина

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ» В РАССКАЗЕ С. А. СНЕГОВА «ВАЛЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПРЕМИИ»

Исследовано функционирование бинарной оппозиции «жизнь — смерть» в рассказе С. А. Снегова «Валя отказывается от премии». Компаративистский анализ этого произведения и поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», цитата из которой была обнаружена в рассказе, позволяет установить, что витальность у С. А. Снегова коррелирует со страстью, а смертность — с чувством вины и ограничением телесности.

Ключевые слова: С. А. Снегов, лагерная проза, интертекстуальность, А. С. Пушкин, витальность, бинарная оппозиция

Сергей Александрович Снегов наибольшую известность получил как автор научно-фантастических произведений, но корпус текстов писателя не исчерпывается дискурсом фантастического. Малоизвестным остается то, что в биографии писателя важен лагерный опыт, а в его творчестве особое место занимает лагерная проза. .

Цель данной статьи — определить функцию бинарной оппозиции «жизнь — смерть» в рассказе С. А. Снегова «Валя отказывается от премии». Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач: 1) выявить в рассказе указанную бинарную оппозицию; 2) на основе присутствия в рассказе цитаты из поэмы А. С. Пушкина сопоставить оба произведения; 3) сформулировать, как в рассказе под влиянием пушкинского интертекста изменяется функциональная семантика бинарной оппозиции «жизнь — смерть».

© Митряшкин И. Е., 2024

В рассказе «Валя отказывается от премии» действие происходит в 1943 году в Норильлаге. Между заключенными обоих полов налаживаются интимные отношения, которым пытается препятствовать лагерное начальство. Заключенная по имени Валентина, «молодая, красивая, веселая и доступная каждому» [6, с. 259], получает от начальства предложение отказаться от промискуитета в обмен на скромную продовольственную премию. В ответ Валя приносит пакет с продуктами, которые она получила от мужчин в качестве оплаты, и передает его в скудный лагерный продовольственный фонд. Неожиданный жест Валентины заставляет озадаченное начальство принять ее помощь и оставить женщину в покое.

Антитезой поведенческой модели Вали является аскеза трех девушек, содержащихся в лагере: они под влиянием заключенного Мурманчика отказались от близости с мужчинами. В разговоре Мурманчика с диегетическим нарратором¹, оказавшимся в лагере по политической статье, проблематизируется бинарная оппозиция «жизнь — смерть»:

Он (Мурманчик. — *И. М.*) сказал сухо:

— А трех я отстоял, я вдохнул в их души стойкость. В отместку их заслали на карьер, мучают холодом и голодом, непосильным трудом. Но они вытерпят до конца. Я в них уверен. <...>

— Да, до конца, — сказал я. — До конца своего срока, конечно. Сейчас им по двадцати, этим девушкам, на волю они выйдут рано состарившимися тридцатилетними женщинами. Так и не видать им жизни!

— Что вы называете жизнью? — возразил он сурово. — Нужно точнее определить этот неясный термин [Там же, с. 261—262].

В другом месте рассказа диегетический нарратор дискутирует с заключенным Никитиным о степени виновности женщин

¹ «Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о самом себе как о фигуре диегезиса. Диегетический нарратор фигурирует в двух планах — и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)» [10, с. 82].

в совершенных преступлениях, употребляя при этом цитату из южной поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» [4, с. 168]:

— Что называть преступлениями, Слава? И вообще: в ту ночь, как умерла княжна, свершилось и ее страдание; какая б ни была вина, ужасно было наказание.

— Опять стихи? — подозрительно осведомился он. — Поверь моему дружескому слову, когда-нибудь тебя за стихоплетство!..

— Стихи, Слава. Только не мои. Мне до таких стихов, как Моське до слона [6, с. 255].

Цитата из поэмы актуализирует в рассказе категорию интертекстуальности как соприсутствия в одном тексте двух или более текстов [8, с. 121].

В приведенном выше фрагменте также эксплицитно выражен пиетет перед литературным предшественником. Это акцентирование *цитатности цитаты* значительно увеличивает ее ощутимость в рассказе, интенсифицируя интертекстуальные отношения между двумя текстами как соотносимыми художественными конструкциями.

Большинство литературоведов справедливо замечают, что в «Бахчисарайском фонтане» текстообразующую роль играет антитеза женских персонажей — Заремы и Марии. Эта антитеза оказывается изоморфна выделяемой литературоведами дуалистической паре «страсть — духовность», причем первый член, по мнению ученых, характеризуется аксиологической слабостью и смертностью [7, с. 512; 5, с. 234; 2, с. 164; 9, с. 89; 1, с. 57].

Компаративистский анализ поэмы А. С. Пушкина и рассказа С. А. Снегова позволяет выделить следующие параллели. Во-первых, женских персонажей обоих текстов объединяет нахождение в аналогичных пенитенциарных пространствах: гарем у А. С. Пушкина, лагерь у С. А. Снегова. Во-вторых, на уровне системы персонажей чувственная Валентина противопоставляется трем аскетичным девушкам, как Зарема — Марии. В-третьих, Зарема и Валентина отстаивают свое право на любовь: Зарема перед Марией, Валентина перед лагерным начальством. В-четвертых, Марии чужда телесная любовь, как и трем девуш-

кам из рассказа, которых наставляет Мурманчик. В-пятых, как атрибутами евнуха из поэмы А. С. Пушкина являются утрата части тела и выполняемая им роль надзирателя за наложницами, так и Мурманчик, «не то заведующий, не то инспектор» [6, с. 260], заплатил за возможность занимать свою должность выдернутым из собственной челюсти золотым зубом.

Таким образом, интертекст из «Бахчисарайского фонтана» раскладывает текст С. А. Снегова «то на парадигму эквивалентных, но разных значений, то на систему антонимических оппозиций» [3, с. 63]. В результате наложения дуалистической пары «страсть — духовность» из поэмы А. С. Пушкина на рассказ, в котором разворачивается бинарная оппозиция «жизнь — смерть», происходит ресемантизация оппозиций: страсть и телесность коррелируют в рассказе с витальностью, духовность же связана с интериоризацией заключенными чувства вины, навязываемой им властью, и последующим (само)ограничением телесных практик. В рассказе заключенных (коллективное тело) пытаются лишить возможности телесной взаимной любви, что приводит к отчуждению индивидов в лагере, ухудшению их здоровья и облегчению контроля за ними со стороны власти.

В качестве гипотезы (нуждающейся в верификации другими лагерными текстами автора) можно предположить, что в художественном мире лагерной прозы С. А. Снегова заключенным не всегда представляется самоочевидной их виновность; следовательно, необходимость в ограничении телесности заключенного и в наказании его души снимается стремлением даже в лагере оставаться живым, любящим и любимым, человеком.

Список литературы

1. *Жилина Н. П.* Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты. Калининград : Издательство РГУ им. И. Канта, 2009. 311 с.
2. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. М. : Наука, 1978. 423 с.
3. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева. СПб. : Академический проект, 2002. 544 с.

4. *Пушкин А. С.* Бахчисарайский фонтан // Полн. собр. соч. : в 17 т. / общ. ред. С. М. Бонди. М. : Воскресенье, 1994. Т. 4. С. 153—171.
5. *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. М. : Художественная литература, 1963. 528 с.
6. *Снегов С. А.* Норильские рассказы. М. : Советский писатель, 1991. 304 с.
7. *Томашевский Б. В.* Пушкин. Книга первая (1813—1824). М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1956. 743 с.
8. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
9. *Фридман Н. В.* Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М. : Просвещение, 1980. 191 с.
10. *Шмид В.* Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

В. А. Ольховская

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Г. Дорофеева

**СКАЗАНИЕ О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ
ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА
В КОНТЕКСТЕ СЛОВА «О ЧИСТОТЕ» ЛЕСТВИЦЫ
ИОАННА СИНАЙСКОГО**

Проанализирован текст Киево-Печерского патерика в контексте «Лествицы» Иоанна Синайского на основании одной из маргиналий, обнаруженных в издании Лествицы 1647 года. Сопоставляется сюжет об Иоанне Затворнике с фрагментом 15-го слова Лествицы. Сделан вывод о возможной преемственности текста Лествицы с текстом Киево-Печерского патерика.

***Ключевые слова:** древнерусская литература, соловецкая рукопись Киево-Печерского патерика, старопечатное издание Лествицы, агнография, маргиналии, герменевтический анализ*

Особое значение в истории распространения текста Лествицы Иоанна Синайского в Средние века имеет факт появления в 1647 году ее первого печатного издания, подготовленного известным соловецким книжником Сергием Шелониным. На его полях имеется, по подсчетам Т. Г. Поповой, 2986 маргиналий, оставленных Шелониным, с указаниями на семьдесят семь произведений оригинальной и переводной древнерусской литературы [5, с. 7]. Справочный аппарат, представленный в таком количестве ссылок, является, по мнению О. С. Сапожниковой, «самым полным в славянской культуре комментарием к этому сочинению» [7, с. 309].

Среди представленного множества маргиналий в издании Лествицы 1647 года обнаружено шесть ссылок на Киево-Пе-

черский патерик. Их изучение может углубить и расширить сферу герменевтического анализа как текста Лествицы Иоанна Синайского, так и текста Киево-Печерского патерика, и помочь обнаружить новые семантические корреляции между двумя памятниками в контексте Священного Предания.

Ниже текст Киево-Печерского патерика приводится в соответствии с текстом рукописи № 634/692 Киево-Печерского патерика (второй Кассиановской редакции, 1620—1640-е годы), входящей в состав Соловецкого собрания РНБ. Как отмечает О. В. Панченко, именно этот список Киево-Печерского патерика принадлежал Сергию Шелонину, монах использовал его в своей работе над Алфавитным патериком и над Похвальным словом русским преподобным [см.: 3, с. 560].

Обратимся к маргиналии па^т печѣ^рскѣ^к л. 150 об. (рн) с^д из старопечатного издания Лествицы, с целью анализа фрагмента текста Лествицы, который эта маргиналия сопровождает, и сопоставления его с тем фрагментом текста Киево-Печерского патерика, к которому маргиналия отсылает читателя.

Упомянутая маргиналия соотносится с 15-м словом Лествицы «О чистоте», а именно со следующими его словами: «иже свою плоть восхотѣ^вны ратовати или повѣ^дити ѿ себѣ^к, всоуе течеть. аще бо гдѣ^т не разоритъ домъ плотскїи и созиждѣ^т домъ дїшевны, всоуе вѣ^ди и поста разорити хотѣи» [1, л. 150 об.], и отсылает читателя к 29-му слову Киево-Печерского патерика «О многотерпеливом Иоанне Затворнике». Эта глава включает в себя не только историю спасения преподобного Иоанна от блудной страсти; в ней, наслаиваясь друг на друга, в разной степени присутствуют четыре сюжета:

1) Исцеление преподобного Иоанна через подвиг затворничества, молитвенное воззвание к Богу и к безымянному «свѣ^тмъ мертвецѣ^м» [2, л. 262] (далее — Моисею Угрину);

2) Исцеление одного из братии, «томи^н вѣ^ди дѣ^лства дїавола на вождѣ^лвнїе плотское» [Там же, л. 258] через прикосновение к мощам преподобного Моисея Утрина;

3) Житие Моисея Утрина, которое вводится мотивом упомянутого выше исцеления и которое раскрывается в следующем, 30-м слове «О преподобном Моисее Угрине»;

4) История ветхозаветного Иосифа, с которым книжник сопоставляет преподобного Моисея: «си бо болѣи юсифа сотвори и может помогати страждущимъ бѣанѣ такую стрѣтїю» [Там же, л. 262 об.].

Здесь с текстом Лествицы коррелирует история самого Иоанна Затворника, что выражается в следующей его характеристике и раскрывается в самом житии: «но тои единъ истинныи иже ѿ всѣхъ обрѣте истиннѣ себе ѿлѣчивъ на бжїю волю. и того заповѣди непорочно сохранивъ. в чистотѣ же соблюдь тѣло свое и дшѣ» [Там же, л. 257 об.—258]. В Лествице подчеркивается тщетность собственных стараний человека в борьбе со страстью: «иже свою плоть восхотѣвыи ратовати или повѣдити ѿ себѣ, всюе течеть. аще бо гдѣ не разоритъ домъ плотскїи и созиждѣт домъ дшевныи, всюе бдѣ и поста разорити хотѣи», и далее мысль развивается следующим образом: «возложи гдѣви естественнѣю немощь, познавъ во всемъ свое неможенїе, и прїимеши дарованїе цѣломудрїа нечувственѣ» [1, л. 150 об.].

Для книжника патерика ключевой чертой образа преподобного Иоанна, проявленной им в борьбе с плотской страстью, является его покорность Богу, так как только «себе ѿлѣчивъ на бжїю волю», святой смог обрести истину и сохранить тело и душу в чистоте. В тексте патерикового сказания также присутствует и воззвание поистине обессилевшего монаха, что очевидным образом коррелирует с мыслью Лествицы: «аз же оуже в гортани быхъ, и возопихъ из глѣбины срѣца моего; мѣтва Гїи бже спсе мой вскю ма еси оставилъ. оущерїи ма вѣко како ты еси един члколюбец» [2, л. 261—261 об.]. Мы видим, что Иоанн, в полной мере «представив Господу немощь своего естества и сознавая во всем свое бессилие» что совпадает с приводимой выше мыслью Лествичника, в то же время говорит словами Псалтири, а именно — 21-го псалма: «Боже, Боже мой, вонми ми, вскую оставил мя еси?» (Пс. 21:1). В труде «Толковая Библия» богослов А. Лопухин толкует эти слова царя Давида как указание на безвыходность положения псалмопевца, так как, в соответствии с ходом событий, гибель Давида казалась неминуемой. Иоанн-затворник сталкивается с искушением в праздник Воскресения Христова и, подобно Давиду, стоит на пороге гибели духовной, неминуемо ведущей и к телесной смерти: «При-

спѣвши^х ноци воскресѣнїа хѣа, внезапѸ нападе на ма лютын той змїй. и главѸ мою и рѸцѣ во оуста свои вложи. и опалиша ми власы на главѣ и на брадѣ тако же видиши ма нїѣк» [Там же, л. 261]. 21-й псалом относится к мессианским псалмам [8], что свидетельствует о неоднородности этой цитаты, отсылающей одновременно и к Новому Завету, а именно к евангельскому сюжету распятия Иисуса Христа в изложении евангелистов Матфея и Марка: «а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савахфанї? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46), «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элой! Элой! ламма савахфанї? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15:34). Мы видим, что контекст патерикового рассказа существенно расширяется, захватывая ветхо- и новозаветные текстовые пласты. Образ Иоанна Затворника, испытывавшего состояние богооставленности, с одной стороны, обнаруживает связь с образом царя Давида, благодаря приведенной выше цитате из Псалтири, которая выступает в роли библейского ключа [4, с. 437]. С другой стороны, образ преподобного Иоанна в равной степени является примером реализации принципа *imitatio Christi*. Вне зависимости от читательского восприятия этой отсылки, указанная цитата дана без атрибуции, то есть без формального маркера цитатности, но, по мысли А. М. Ранчина, «требование наличия атрибуции... как обязательного условия для установления цитаты является избыточным: цитата может употребляться без атрибуции» [6, с. 26—27].

В результате анализа текстов Лествицы и Киево-Печерского патерика через призму маргиналии из старопечатного издания Лествицы были выявлены не только структурные связи между фрагментами двух текстов, но и библейские цитаты и образы, открывающие новые смысловые глубины патерика, что говорит о продуктивности герменевтического анализа текстов Киево-Печерского патерика и Лествицы Иоанна Синайского в контексте Священного Писания.

Маргиналия, оставленная иноком Сергием Шелониным, свидетельствует о том, что он видел черты преемственности текста Лествицы Иоанна Синайского в Киево-Печерском патерике. Это позволяет нам высказать предположение о факте ас-

симиляции текста Лествицы с текстом патерикового сказания «О многотерпеливом Иоанне Затворнике», что свидетельствует о глубинной и нерасторжимой связи Киево-Печерского патерика со святоотеческим преданием.

Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Список литературы

1. *Лествица* Иоанна Синайского. М., 1647.
2. *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Сол. 634/692. Патерик Киево-Печерский. Первая половина XVII в. URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=DEE5DE64-6227-426D-A7A7-496FFEF8FD46> (дата обращения: 01.09.2024).
3. *Панченко О. В.* Из археографических разысканий в области соловецкой книжности. I. «Похвальное слово русским преподобным» — сочинение Сергия Шелонина (вопросы атрибуции, датировка, характеристика авторских редакций) // Труды Отдела древнерусской литературы / ИРЛИ РАН. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 547—592.
4. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М. : Знак: Кошелев, 2003. С. 431—466.
5. *Попова Т. Г.* Маргиналии в старопечатном издании Лествицы Иоанна Синайского (М., 1647). Северодвинск : б. и., 2023. 144 с.
6. *Ранчин А. М.* О топике древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2012. № 3. С. 21—32.
7. *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 560 с.
8. *Епископ Никанор (Каменский)*. Изображение Мессии в Псалтири. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Kamenskij/izobrazhenie-messii-v-psaltiri/ (дата обращения: 14.11.2024).

В. А. Проскуряков

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Тесля

ПОНЯТИЕ «СВОБОДЫ» В ФИЛОСОФИИ ДЖ. СТ. МИЛЛЯ

Представлены результаты концептуального анализа понятия «свобода» в философии Джона Стюарта Милля. Исследовано соответствие миллевского понятия «негативной свободе» Исайи Берлина и свободе «как не-доминированию» Филипа Петтита. Продемонстрирована некорректность последующих интерпретаций свободы в понимании Милля и как «негативной», в связи с заложенным в ней прогрессивным идеалом, и как «неоримской», из-за индивидуалистической предпосылки и непринятия коллективных субъектов.

***Ключевые слова:** Дж. Ст. Милль, свобода, политическая философия, история философии, классический либерализм*

Исайя Берлин сформулировал дихотомию свободы, которая не только определяла дискуссии 1960—1980-х годов, так как была их «общим местом», но и начала переопределять тех авторов, которые анализировались в его «Двух пониманиях свободы». Одним из таких авторов был Джон Стюарт Милль. Ему, как некоторым другим, была приписана однозначная принадлежность к негативной свободе [2, с. 131—133].

Носителем свободы является «человек, который находится в полном обладании своих способностей» [5, с. 296]. Есть вероятность, по Миллю, быть человеком, у которого не будет такой возможности в силу собственной недееспособности. А общество, составленное из таких людей, может надеяться только на просвещенного диктатора, пока не выработает таланты, для которых нужна свобода более, чем выживание или собственная безопасность. Предполагается, что существует саморазви-

© Проскуряков В. А., 2024

тие не через свободу, а через подчинение великим личностям с целью приближения прогресса. Этим прогрессом и будет достижение тех способностей, благодаря которым человек способен развиваться самостоятельно, то есть через свободу [5, с. 296—297].

Миллевская свобода исключается из сферы политического и становится личным правом индивида. Социалистическое влияние на него читается в том, что свобода как невмешательство является правом всех достигших нужного уровня совершеннолетия. Это одновременно один из самых напряженных моментов в построениях Милля. Как понять, что ты способен совладать с этой свободой? Как понять, что ты полностью обладаешь своими способностями, а не производишь нерелексивные копии традиционных суждений и действий? Даже если последнее не про тебя, то как удостовериться в этом? Твоя оригинальность должна быть проверена твоим окружением, обществом. Но может ли публика, которая является по определению посредственной, оценить ее?

Эти сложные вопросы находят разрешение в нормативном индивидуалистическом идеале, который подкрепляется верой в прогресс и человека, способного оценить по достоинству успехи конкретных индивидов в прошлых эпохах, и человечества. Потому следует заключить, что свобода у Милля имеет не только аспект невмешательства, но и положительный аспект, по отношению к которому негативная свобода является инструментом. Оригинальность и гений, по Миллю, хоть и не могут формально действовать, но с помощью собственного суждения и личного отношения в некотором смысле должны направлять других людей [5, с. 344—345]. Потенциально каждый человек может подняться до нужного уровня, выраженного в неординарности, но эмпирически, по Миллю, посредственность существует хотя бы как условие их различия. Но есть и другой способ вмешиваться с целью просвещения в чужую индивидуальную жизнь — это делегирование вменения обязанности не воле человека, являющегося, например, гением, а некоторой другой инстанции, будь то требование публики, что маловероятно без просвещения, или правительства. Но это интерпретация по практической реализации свободы в понимании Милля

слабо соотносится с сильными либертарианскими прочтениями его учения, что находит свою почву в его философских построениях.

Риторико-аргументационная стратегия Дж. Ст. Милля довольно часто апеллирует к схожести положения несвободного индивида с рабством, которое следует преодолеть, отождествляя их [4, с. 42—44; 5, с. 316—317]. Это может показаться типичным проявлением «свободы от», отсутствием вмешательства в жизнь. Но Милль концентрируется и на другом аспекте рабства — возможности вмешательства. Вследствие этого нам нужно не только личное пространство выбора относительно целей и средств, которое есть и у раба, но и отсутствие возможности вмешиваться в него со стороны других лиц, общества и государства.

Свободное развитие индивидуальности есть основание любого блага, хотя этого, по Миллю, люди не принимают. Обычаи и традиции формируют человека, но он уже должен использовать опыт, дополняя и переучреждая их, ведь «обычные дела» тоже меняются. Различные индивидуальные свободы выступают как инструменты для преодоления ряда негативных аспектов, приводя индивида к истинному себе, способному проектировать собственный путь [5, с. 354—356]. Описанное напряжение позволяет вернуться к интерпретациям, ведь реализация свободы посредством становления лучшей версии себя — одно из главных отличий положительной свободы от негативной [2, с. 138—139]. Поэтому мы можем заключить, что его понимание свободы отличается как от положительной, так и от негативной трактовок, приближаясь к республиканской свободе как не-доминированию.

Филип Петтит сформулировал определение свободы как не-доминирования через отсутствие вмешательства, основанного на произволе [6, с. 108—109]. Вмешательство возможно в некоторых случаях, которые не подпадают под рамки произвола, а навязываются или делегируются другому актору извне. Но в интерпретации Ханны Арендт, возродившей интерес к республиканской теории, свобода в понимании Дж. Ст. Милля оказывается вытеснена во внутреннюю сферу сознания [1, с. 222].

Мы видим, что в наброске республиканской мысли существуют разные позиции относительно идейного включения Милля в их традицию.

Миллевская свобода базируется на индивидуалистической предпосылке, носителем ее является конкретный индивид, движимый собственным идеалом и сопротивляющийся обществу, которое понимается Миллем как «коллективная посредственность» [5, с. 345]. Это делает невозможным интерпретацию Милля как «протореспубликанца». Если суммировать вышеизложенное, Дж. Ст. Милль понимал под свободой и состояние индивидуальной независимости, которая юридически и фактически выполняется, и также стремление к качественному развитию собственных способностей.

В логике утилитаризма важно счастье человека, достигнутое наилучшим образом. Такое вульгарное изложение идей утилитаризма сталкивается с миллевским здравым смыслом, ведь добиться личного счастья как цели возможно, только поставив его на второе место по отношению к другой цели [3, с. 173—174]. Единственное же удовольствие на котором базировалось счастье, согласно «Воспоминаниям» Милля, — это вера в собственную цель, которой является преобразование мира в лучшую сторону. Пытаясь соединить свободу как индивидуальную независимость с логикой последствий, Милль движется от узких по предпосылкам утилитаристских проектов своего отца и Бентама отчасти под влиянием социалистических и позитивистских построений к образу свободы не только как ценности, но и как средства для достижения идеала, реализуемого в счастье равных индивидов.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М. : Издательство Института Гайдара, 2014. 416 с
2. *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
3. *Милль Дж. Ст.* Автобиография (История моей жизни и убеждений). М. : Книжное Дело, 1896. 280 с.

4. *Милль Дж. Ст.* О подчинении женщины / пер. с англ. Г. Благосветлова ; вступ. ст. О. Харитоновой. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020. 304 с.

5. *Милль Дж. Ст.* О свободе // Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М. : Наука, 1995. С. 288—392.

6. *Петтит Ф.* Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева ; предисл. А. Павлова. М. : Издательство Института Гайдара, 2016. 488 с.

Н. Р. Соколов

Научный руководитель — канд. соц. наук, доц. М. В. Берендеев

АНАЛИЗ PR-КАМПАНИЙ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлены результаты анализа PR-кампаний Народного фронта в Калининградской области, направленных на освещение социальных и политических проблем региона. Изучены стратегии взаимодействия организации с местным сообществом, в том числе отмечены акцент на решении жилищно-коммунальных вопросов, поддержка программы «Всё для Победы» и защита культурного наследия. Предложены рекомендации по улучшению PR-деятельности.

Ключевые слова: PR-кампании, Народный фронт, Калининградская область, социальные сети, общественное мнение, культурное наследие, жилищно-коммунальные проблемы, GR, медиа

В современном обществе политические партии и движения активно используют PR для привлечения внимания к своим идеям и программам. Народный фронт как одна из ведущих общественных организаций в Калининградской области не является исключением. Изучение PR-стратегий этой организации представляет интерес для понимания механизмов взаимодействия власти и общества, а также для оценки эффективности использования PR в политической сфере.

Суть своей работы ОНФ определяет формулой «гражданская инициатива — сотрудничество — общественный контроль» [1]. Народный фронт в Калининградской области выстраивает свою систему PR как раз на основе этой формулы, особое внимание уделяя при этом контролю как эффективному способу получения политических очков в проблемном регионе.

Для удобства автором статьи была на основе данных [2] составлена таблица 1, которая отражает основные направления PR-акций по направлениям деятельности калининградского отделения «Народного фронта».

Таблица 1

**Основные направления деятельности Народного фронта
в социальных сетях**

Направление	Кейсы
Защита историко-культурного наследия области	Работа с мемориалом в поселке Славинск Защита бастиона Грольман Памятник в Краснознаменском районе
Реализация программы «Всё для Победы»	Рейсы на фронт Праздники и мероприятия для семей участников СВО
Решение проблем с системой ЖКХ	Защита Филинской бухты Решение проблем с дорогами в Янтарном «Конкурс на самую глубокую яму»
Решение вопросов социального характера	Больные диабетом дети в Калининградской области не получают помощи от государства Верните детям школу! В поселке Владимирово закрыли учебное заведение посреди года К знаниям — через Президента

Также был проведен анализ публикаций в социальных сетях «Народного фронта» в Калининградской области (рис.). Он показал, что основные темы, по которым работает «Народный фронт», — это решение жилищно-коммунальных проблем (57 % всего контента) и реализация проекта «Всё для Победы» (33 % всего контента). Меньше внимания получают резонансные для калининградского общества вопросы социального характера (5 %) и защиты культурного наследия (5 %).

Освещаемые «Народным фронтом» темы в социальных сетях

Рис. Количество постов по социально значимым темам на странице регионального отделения «Народного фронта» в соцсети ВКонтакте

В рамках анализа далее был проведен анализ показателя ER (Engagementrate) в деятельности сообщества «Народного фронта» в социальной сети ВКонтакте. Так, средний показатель $ER = 0,82\%$, что свидетельствует о слабой работе по охвату аудитории. Есть ряд постов, которые смогли получить крупный охват. Автором на основе данных [2] составлена таблица, показывающая соотношение просмотров, реакций и охвата (табл. 2).

Таблица 2

Крупнейшие по охвату в социальных сетях и просмотрам акции «Народного фронта»

Акция	Просмотры	Реакции	ER (охват)
Энергия для наших!	685	133	4,37
Гуманитарные рейсы	1100	131	4,3
Мемориал в поселке Добровольск	816	71	2,33
К знаниям — через Президента	1200	69	2,26

Акция	Просмотры	Реакции	ER (охват)
Бастион Грольман	7800	57	1,87
В Советске за 3,5 миллиона затопили детский сад: 1 сентября перенесли на полгода	8100	41	1,34

Проведенный анализ позволил выявить большее количество проблем в PR-кампаниях «Народного фронта»:

1) преобладание в работе проблемного подхода, когда организация реагирует на проблемы жителей, но сама деятельность регионального отделения бессистемна и не отличается организованностью;

2) нет работы с аудиторией, работа случайна и выстроена по принципу подготовки отчетов о проведенных мероприятиях. Этот метод неэффективен, что видно на примере подсчета ER постов «Народного фронта»;

3) «Народный фронт» не использует полноценно систему коммуникаций и слабо представлен в СМИ и сетях, население области мало информировано о его работе;

4) работа с вовлеченностью, с комьюнити недостаточная, обсуждения возникают только по резонансным темам. Решение отдельных вопросов граждан освещается, но делается это больше для медийности. Работу с обращениями граждан массово региональное отделение ОНФ не ведет, поэтому говорить о системе обратной связи не приходится;

5) в материалах, в которых «Народный фронт» рассказывает о проблемах людей, показана лишь одна заинтересованная сторона, не прослеживается решение проблемы;

6) нет достаточной субъектности для построения коммуникации;

7) ограниченные кадровые ресурсы (нет отдельного специалиста в сфере GR);

8) отсутствие проактивной позиции регионального отделения в решении проблем жителей.

Помочь в решении указанных проблем могли бы быть следующие действия:

1) необходимо четко определить задачи, которые региональное отделение готово выполнять, систематизировать подход к их выполнению, пересмотреть принципы работы в информационном пространстве с учетом современных реалий;

2) при коммуникации с другими участниками политического процесса перейти от подхода по освещению проблем к проработке и направлению конкретных предложений по их решению;

3) требуется более активное вовлечение региональных штабов ОНФ в повестку жизнедеятельности региона, а не только выполнение задач транслируемых из федерального штаба;

4) нужно больше популяризовать каждое отдельное направление деятельности «Народного фронта» и доносить до людей, какое участие они могут принять в этой работе;

5) необходимо больше вести работу в социальных сетях и адресную работу с населением; создать информационный сайт, рассылать еженедельные новостные дайджесты;

6) реструктуризировать деятельность, изменить состав исполкома, включить в штат специалиста по GR;

7) целесообразно увеличение вовлеченности общественности: проведение открытых мероприятий, обсуждение идей Народного фронта с местными жителями, организация общественных дискуссий и консультаций;

8) нужно налаживать партнерство с местными СМИ: устанавливать партнерские отношения с местными медиа, организовывать пресс-конференции, публиковать статьи и интервью.

Можно сделать по результатам анализа PR-акций «Народного фронта» вывод, что он не оказывает влияния на формирование общественного мнения ввиду того, что редко выступает инициатором конкретных проектов и редко вносит предложения в госорганы, а при решении вопросов жителей осуществляет слабый контроль за их выполнением. У организации не слишком емкий бренд в Калининградской области из-за отсутствия событийных коммуникаций в общении с населением. Чтобы исправить ситуацию, организации нужна программа PR-коммуникаций на каждый день и с учетом всех поставленных перед ней целей.

При этом можно заметить, что калининградское отделение «Народного фронта» ведет большую работу в рамках осуществ-

вления СВО. Именно акции проекта «Всё для Победы» вызывают наибольший резонанс и охватывают массы населения. Это приводит к тому, что все большее число калининградцев вовлекается в деятельность, направленную на достижение целей Российской Федерации в СВО.

Список литературы

1. *Грызлова Е. А.* Общероссийский народный фронт — эффективная площадка взаимодействия и конструктивного диалога между властью и обществом // Экономика, управление, право: состояние и развитие : межвуз. сб. науч. тр. Самара : ООО «Научно-технический центр», 2020. С. 83—88.
2. *Сообщество* ВК «Народный Фронт I Калининградская область». URL: https://vk.com/nf_kaliningrad (дата обращения: 23.04.2024).

С. А. Супонина

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. В. Н. Маслов

**ОБРАЗ «ХРУЩЁВКИ» В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х — 1960-х ГОДОВ**

Опубликованы результаты исследования образа крупнопанельного домостроения времен Н. С. Хрущёва в современном ему кинематографе. Рассмотрен период «оттепели» в кино, проведен анализ избранных фильмов обозначенного периода. Работа актуальна для исследователей советской повседневности — показано, как крупнопанельное жильё изображалось в советских бытовых и документальных фильмах, какой смысл несли эти изображения, насколько достоверно кинематограф того времени представлял советский быт и повседневность. В качестве визуальных источников были использованы фильмы «Пора большого новоселья» (1959, реж. Б. Небылицкий), «А если это любовь?» (1961, реж. Ю. Райзман), «Черёмушки» (1962, реж. Г. Раппапорт) и «Бриллиантовая рука» (1968, реж. Л. Гайдай).

Ключевые слова: «хрущёвка», советский кинематограф, «оттепель», жилищное строительство

Вступление Никиты Сергеевича Хрущёва в должность первого секретаря ЦК КПСС стало началом нового периода истории советского государства — периода «оттепели». Четвертого ноября 1955 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», которое официально завершило эпоху сталинской архитектуры в строительстве и ознаменовало распространение функциональной типовой архитектуры, во многом сформировавшей привычный нам облик советского и постсоветского пространства [3]. Несмотря на масштабную и

разнообразную критику, в итоге жилищная политика Н. С. Хрущёва смогла решить поставленную задачу — обеспечить большую часть населения СССР комфортабельным жильем с посемейным расселением.

Период «оттепели» второй половины 1950-х — 1960-х годов стал одной из самых важных и основополагающих эпох советской истории. Многочисленные реформы после долгих лет неизбежного существования тоталитарной власти в стране не могли не подарить людям надежду на действительно светлое завтра. Это ощущение надвигающейся «весны», естественно, отражалось и в сфере искусства [2, с. 306]. Были выпущены фильмы, ставшие классикой российского кинематографа, завоевавшие мировое признание. В кино наконец-то стали показывать человека реального, сомневающегося в своих решениях, ищущего себя и свою судьбу.

Киноискусство этого периода сыграло важнейшую роль в развитии всего советского кинематографа, совершив крутой поворот в сторону индивидуального, личностного начала.

В кино «оттепели» определенная доля внимания уделялась бытовым сюжетам и простым человеческим отношениям. Наиболее подходящей локацией для съемки таких сюжетов был, конечно, дом главных героев. Стремительное развитие жилищной промышленности было обязано найти свое отражение в кинокартинах — бытовые сюжеты должны были сниматься в обывательской обстановке, то есть в действующем жилье. В качестве примеров изображения «хрущёвок» в кино можно выделить несколько фильмов.

Во-первых, это фильм «Пора большого новоселья» (1959), снятый Б. Небылицким на Центральной студии документальных фильмов в Москве. Картина посвящена градостроительной реформе при Н. С. Хрущёве. Несмотря на чересчур часто бросающийся в глаза пропагандистский характер фильма, он достаточно полно показывает состояние жилищного фонда страны на 1959 год, то есть всего через пару лет после провозглашения начала масштабного строительства. Образ «хрущёвки» в этом фильме показан исключительно положительно, все внимание акцентировано на важности собственного жилья для каждой семьи советских граждан. В этом главная особенность

фильма — он относится к документальному жанру и, по сути, создан по заказу власти, для которой всегда было важно изобразить предмет фильма исключительно положительно.

Во-вторых, это художественный фильм Ю. Райзмана «А если это любовь?» (1961). На протяжении всего фильма действие в кадре происходит среди «хрущёвок» — видна микрорайонная застройка зданий крупнопанельными домами, стройка часто служит фоном. Квартиры главных героев типичны для того времени. В данном фильме «хрущёвки» выступают как основное место действия, где разворачивается вся драма первой любви — от ее зарождения до краха. Изображение столь противоречивой и пессимистичной картины на фоне стройки жилого квартала, что ожидаемо, было встречено властями с осуждением [1], но это не помешало картине снискать популярность у зрителя. В целом дом играет значительную роль в раскрытии персонажей, их страхов и переживаний; то, как ведут себя люди в собственной квартире, усиливает воздействие игры актеров на зрителя, заставляя испытывать те же томление и тоску, что и у главных героев. Развитие сюжета на фоне знакомых стен и пейзажей способствует тому, что мы невольно вникаем в драму главных героев, сопереживаем им, так как они находятся в обстановке, очень похожей на жизнь миллионов советских граждан, в том числе наших знакомых и родственников.

В-третьих, это музыкальная комедия «Черёмушки» режиссера Г. Раппапорта (1962). По своему посылу она близка к первому из проанализированных фильмов. Новый дом противопоставляется старому полуразрушенному жилищу, герои весь фильм выражают свои эмоции по поводу получения собственной квартиры и делятся надеждами на светлое будущее. Хотя сейчас это и выглядит немного искусственным, в то время такой небывалый душевный подъем у людей был действительно объясним переездом из старого дома или коммуналки в новое просторное жильё, главной ценностью которого было то, что его не надо было ни с кем делить. Исходя из этого, можно сказать, что «хрущёвка» в данном фильме показана тоже исключительно положительно, весь сюжет сосредоточен вокруг нее.

Нельзя не упомянуть культовую комедию Л. Гайдая, снятую уже на закате «оттепели», — «Бриллиантовая рука» (1968).

«Хрущёвки» присутствуют в кадре значительную часть экранного времени, так как действие нередко разворачивается как в квартирах персонажей, так и во дворах. Квартира служащего в советском учреждении Горбункова заметно светлее и обставлена в соответствии с ассортиментом магазинов того времени — ничего лишнего, все максимально знакомо взгляду и отражает законопослушность героя. При этом интерьер его квартиры контрастирует с квартирой контрабандиста Козодоева — та темнее, наполнена экстравагантным декором и иностранными сувенирами. «Хрущёвка» в фильме не получает никакой оценки, становясь местом развития сюжета на протяжении почти половины картины и внося значительный вклад в ее успех в глазах зрителей.

По итогам исследования можно сделать вывод об основных способах изображения «хрущёвок» в кинематографе «оттепели». Во-первых, в силу пика их популярности и крайней востребованности среди населения в некоторых фильмах крупнопанельные жилые дома становились центральной фигурой картины — это могли быть как документальные, так и художественные фильмы. «Хрущёвка» в них изображалась, как правило, положительно, она ассоциировалась со счастьем советских граждан. Во-вторых, образ дома помогал дополнять образы главных героев и раскрывать незаметные детали, сообщающие сюжету драматизм или комичность. Наконец, в-третьих, «хрущёвка» в фильме могла служить просто местом действия персонажей в кадре. Она показывала домашнюю обстановку героев и создавала нужную для кадра атмосферу, в чем чаще всего и заключается основной посыл отображения дома в кино — создание требуемой для героев и ситуации обстановки, их отделение от внешнего мира и фокусирование внимания зрителя на действии, разворачивающемся на экране.

Список литературы

1. Докладная записка отдела культуры ЦК КПСС о фильме Ю. Райзмана «А если это любовь?», 7 июня 1961 // Кинематограф оттепели. Документы и свидетельства. М. : Материк, 1998. С. 130—131.

2. Зоркая Н. М. История отечественного кино. XX век. — М. : Белый город, 2014. 512 с.

3. Хан-Магомедов С. О. Хрущёвский утилитаризм: плюсы и минусы. URL: https://niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy.html (дата обращения: 13.04.2024).

Ф. Э. Фендеров

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. В. Харитонова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОПИСИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Рассмотрены особенности переводческой рецепции звуковой инструментовки поэтического текста (звукописи). Материалом исследования послужили стихотворение Э. А. По «Ворон» и его русскоязычные переводы, выполненные на различных этапах освоения творчества поэта средствами русского языка. Сделан вывод о том, что звукопись в поэтическом переводе является одним из факторов, повышающих резистивность оригинала переводу. Приводятся фрагменты из собственного перевода поэмы «Ворон» на русский язык.

Ключевые слова: *поэтический перевод, звукопись, резистивность оригинала*

Р. Р. Чайковский определяет звукопись как ощутимо повышенную концентрацию одних и тех же или сближенных по качеству звуков на определенном участке текста, способствующую более глубокому выражению мысли писателя [4, с. 117]. Звукопись является одним из важнейших средств усиления выразительности и благозвучности поэтического текста. Именно благодаря звукописи поэты могут задавать сложные ритмические и рифмические узоры своим произведениям, создавать нужную для передачи смысла атмосферу и музыкальность.

Одним из виртуозов звуковой организации стиха в американской поэзии второй половины XIX века был Э. А. По. Автор не боялся экспериментировать с интонацией и формой, со средствами художественной выразительности, что во многом предопределило успех его поэзии в литературных кругах.

© Фендеров Ф. Э., 2024

К наиболее известным стихотворным текстам автора относится поэма «Ворон», написанная в 1845 году [6]. Поэме присущи сложные рифмические узоры, глубина образов, а также обилие звуко смысловых связей.

Так, аллитерация звука [d] в начале пятой строфы

Deep into the **d**arkness peering, long I stood there wondering,
fearing,

Doubting, **d**reaming **d**reams no mortal ever **d**ared to dream before...

задает четкий ритм произведению, а также воссоздает атмосферу сгущающейся тьмы и неизбежности благодаря своему сильному и резкому звучанию. Также для более детальной проработки атмосферы Э. По применяет прием ономастопеи, или звукоподражания. Для анализа мы выбрали фрагмент третьей строфы, в котором повтор свистящих звуков воссоздает звук шелестящих занавесок:

silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain

Thrilled me — filled me **w**ith fantastic terrors never felt before...

Анализ переводов этого стихотворения на русский язык показывает, что большинство переводчиков не в полной мере передают фоническое своеобразие оригинала. Как пишет Р. Р. Чайковский, «переводчики или “не слышат” этой звукописи, или не считают ее релевантной, или оказываются не в состоянии преодолеть сопротивление оригинала» [4, с. 119]. Отметим, что по данным *Index Translationum* (базы данных переводов, формируемой ЮНЕСКО с 1932 года) Э. А. По входит в топ-50 наиболее переводимых авторов [5]. Тем не менее, несмотря на неослабевающий интерес переводчиков к стихотворению (повторные переводы «Ворона» создаются уже на протяжении почти двух веков), сравнительный анализ как классических (переводы С. Андреевского, К. Бальмонта и М. Зенкевича), так и современных переводов (переводы О. Тиходеева и А. Василой и др.) свидетельствует о том, что звукопись с полным правом можно отнести к языковым явлениям, повышающим резистивность оригинала переводу. Приведем несколько примеров.

Первым из опубликованных переводов поэмы на русский язык был перевод С. Андреевского (1878) [2], в котором оригинальная аллитерация По на звук [d] заменена схожим по своим функциям повтором звука [т]. Он задает данному фрагменту ритм и создает атмосферу сгущающейся неотвратимой тьмы:

Застыв на месте, я впотьмах
Изведал снова тот же страх...

Однако звукоассоциативный ряд третьей строфы в переводе существенно отличается от оригинала, в результате у читателя возникает совершенно иное эмоциональное отношение к происходящему:

А шорох шелковых завес
Меня ласкал — и в мир чудес
Я, будто сонный, улетал...

В переводе К. Бальмонта (1894) [2], который считается классическим [1, с. 237], при передаче аллитерации, свойственной началу пятой строфы, также используется повтор звука [т], при этом коэффициент фонической сгущенности свидетельствует о более ярко выраженной аллитерации, чем в переводе С. Андреевского:

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого...

Тем не менее перевод К. Бальмонта также не передает оноματοпею оригинала. Характер звукосмисловых связей (*трепет-лепет*) в третьей строфе иной:

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет...

Отдельного внимания заслуживает перевод М. Зенкевича (1946) [2], который, по мнению критиков, является наиболее близким к оригиналу [1, с. 291]. Отметим, что, несмотря на адекватную передачу идейно-образной структуры оригинала, в переводе М. Зенкевича особенностям звукописи уделено, как нам представляется, несколько меньше внимания. Алли-

терация взрывных апикально-альвеолярных звуков заменена на повтор звука [н], что создает совершенно иной эффект при прочтении:

Тьмой полночной окруженный, так стоял я, погруженный
В грезы, что еще не снились никому до этих пор...

Акустическое восприятие третьей строфы в переводе меняется: аллитерация на звук [s] воссоздается в переводе сочетанием звуков [ш] — [т]:

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах...

Современные переводы поэмы также указывают на повышенную резистивность звукописных средств при переводе. Так, в переводе О. Тиходеева (2017) [3] встречается смешанная аллитерация на пару звуков [т] — [д]:

Сам не зная, что со мною, долго я стоял пред тьмою,
Полон грез, каких земное знать не смеет существо.

Вместе с тем нельзя не отметить удачную попытку О. Тиходеева воссоздать прием звукоподражания:

Смутно-горестный, усталый шорох шторы темно-алой...

Проведенный нами анализ еще раз подтверждает известную максимуму переводоведения о том, что перевод — это лишь та или иная степень аппроксимации к оригиналу. Переводчикам не всегда удается воссоздать звуковую сторону текста без потерь. На наш взгляд, звуковая тема оригинала — это один из важнейших аспектов поэтического перевода, поскольку звукопись несет ассоциативно-образную, оценочную, характеризующую и иную смысловую информацию. В нашем переводе мы постарались сохранить звуковую организацию текста в том виде, что она представлена у автора:

В тьму я взглядом устремлялся в страхе стоя отдавался
Дивным думам отдавался недоступным для людей...

а также воссоздать эффект звукоподражания шелесту занавесок с помощью повтора свистящего звука «с»:

Шелест шелковый, неясный наших занавесок красных
Смутным ледящим страхом сердце полонил мое.

Таким образом, ассоциативная связь звука со смыслом требует от переводчика значительных усилий, чтобы читатель смог в той или иной степени почувствовать фонетическое своеобразие оригинала и ощутить звуковую игру исходного текста.

Список литературы

1. *По Э. А.* Ворон = The Raven / изд. подгот. В. И. Чередниченко. М. : Наука, 2009.
2. *Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон».* URL: https://voron.lv/Pro_voronov/поемаПо_voron.html#zenkev (дата обращения: 19.07.2024).
3. *Тиходеев О. Н.* Ворон. URL: <http://samlib.ru/w/woron/2017tih.shtml> (дата обращения 19.07.2024).
4. *Чайковский Р. Р.* Основы художественного перевода: вводная часть : учеб. пособие. Магадан : Издательство СВГУ, 2008. 182 с.
5. *Index Translationum: “Top 50”.* URL: <https://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50&lg=0> (дата обращения: 19.07.2024).
6. *Poe E. A.* The Raven. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/48860/the-raven> (дата обращения: 19.07.2024).

В. А. Шабадрова

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. Г. Черненко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОСТОРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА

Рассмотрены особенности перевода просторечия как средства формирования образа персонажа на примере повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» и ее немецкого перевода. Проанализированы различные стратегии перевода просторечной лексики, осуществлена попытка верифицировать восприятие образа персонажа в переводе с помощью нейросети Character AI.

***Ключевые слова:** просторечие, перевод, художественный текст, образ персонажа, нейросети*

Как правило, под термином «просторечие» понимается речь необразованного или малообразованного населения сельской местности. Такое определение релевантно не во всех случаях. Зачастую просторечие, особенно при рассмотрении его как элемента художественного текста, играет более важную роль. Составители «Большой российской энциклопедии» определяют просторечие как одну из разновидностей национального языка (наряду с литературным языком, жаргонной и диалектной речью), в которой реализуются средства, находящиеся за пределами литературной нормы. Вместе с жаргонами и территориальными диалектами просторечие составляет устную некодифицированную сферу речевой коммуникации — народно-разговорный язык [1]. Согласно определению, просторечие следует рассматривать как языковую разновидность с собствен-

ными характерными особенностями, что делает этот языковой феномен чем-то гораздо большим, нежели просто маркер необразованности носителя.

Сложно провести четкую грань между просторечием и другими формами национального языка, в особенности между просторечной и разговорной речью. Принято считать, что просторечие является более сниженной формой, однако «граница между “более” и “менее” сниженным нечеткая и подвижная» [2, с. 92].

По причине своей стилистической сниженности просторечие широко используется авторами для стилизации языка художественного текста. Вводя в текст элементы просторечной речи, авторы достигают определенных целей:

1) стилизация: просторечия используются авторами для стилизации языка определенных персонажей. Это позволяет маркировать их социальный статус, образование, отношение к определенным ситуациям или другим персонажам, другие характеристики;

2) выражение экспрессии: просторечия придают языку колоритность и различную эмоциональную окраску — игривую, насмешливую, пренебрежительную или грубую. Это делает речь персонажей более живой и выразительной;

3) создание атмосферы: просторечия помогают создать определенную атмосферу в тексте и передать местный колорит, будь то уютная домашняя обстановка или грубые уличные выражения.

Рассмотрим более подробно первую функцию на примере повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом».

Перевод просторечия на иностранный язык представляет собой сложную задачу, так как необходимо не только подобрать подходящие эквиваленты в переводном языке, но и сохранить те функции, которые выполняет просторечие в оригинальном тексте.

Наиболее ярко в повести раскрывается речевой портрет Нины Антоновны — бабушки главного героя. Ее речь изобилует сниженной лексикой, в том числе и просторечиями, а порой персонаж не стесняется грубых и вульгарных выражений. Здесь встает вопрос о том, насколько оправданно такое активное ис-

пользование нелитературной лексики, поэтому ниже рассмотрены причины, по которым автор выбрал именно такой стиль для создания речевого портрета персонажа.

Просторечия, употребляемые героиней, указывают читателю на определенные черты характера и события, которые и стали причиной такого речевого поведения:

1) результат тяжелой жизни: бабушке главного героя за свою жизнь довелось пережить большое количество потерь и трагических событий (эвакуация во время войны, смерть ребенка, разлад с дочерью, в целом несчастная жизнь);

2) психические расстройства: на фоне этих травмирующих событий, в особенности после смерти сына от болезни, у героини стремительно развивались проблемы с психикой, которые стали причиной заикливости на мысли о болезни внука; из-за этих проблем характер Нины Антоновны становится более резким, несдержанным и жестким; также героиня склонна к тотальному контролю над окружающими, ей доставляет удовольствие демонстрировать власть над людьми и контролировать их жизни;

3) портрет поколения: после выхода книги на П. Санаева обрушилась волна писем, в которых люди писали о том, как точно автору удалось изобразить то, что пришлось пережить и им в детстве. Образ Нины Антоновны — это не только воспоминания писателя о собственном детстве, но и портрет целого поколения — требовательного, жесткого и не стесняющегося в выражениях, что также стало результатом тяжелой, полной лишений и невзгод жизни;

4) особенности характера: благодаря речевому портрету читатель понимает, что данный персонаж — личность властная, эгоистичная и грубая, для которой единственно верное мнение — ее собственное.

Исходя из этого невозможно рассматривать героиню в отрыве от ее речевого портрета, а ее речевой портрет — в отрыве от просторечия, так как именно этот элемент во всей полноте раскрывает читателю реалистичную картину происходящего.

Также в речи персонажа реализуется вторая функция просторечия — выражение экспрессии. Разнообразии лексических единиц и выражений, используемых Ниной Антоновной в ка-

честве реакции в той или иной ситуации, а также при описании другого персонажа, позволяет читателю понять отношение героини к ним. Просторечие обладает яркой эмоциональной окраской, что дает возможность убедительнее изобразить эмоции героя, делает его речь более живой и близкой к той, которую мы обычно слышим или используем при неформальном общении.

Рассматривая просторечие в контексте перевода, стоит обратить внимание на наличие соответствующей языковой формы в языке перевода. Авторы учебника «Социалингвистика» отмечают просторечие как «наиболее русскую» языковую подсистему [3, с. 34]. Наиболее близкими можно считать формы обиходно-разговорного языка, известные в германистике под собирательным названием *Umgangssprachen*.

Обращаясь к анализу перевода просторечных единиц, можно отметить приемы подбора относительного эквивалента: «Столько барахла в дом натащить!» — “*Wozu schleppst du diesen ganzen Ramsch ins Haus?*” и прием компенсации: «А она только раз в месяц припрется, ляжет на диван» — “*Und sie kommt nur einmal im Monat, lümmelt sich aufs Sofa*” как наиболее эффективные при передаче русского лексического просторечия на немецкий язык.

Наименее эффективными являются приемы транслитерации и калькирования, которые не способны передать смысл и стиль русского просторечия. Например, при переводе его вокативных форм: «Этого Борьку об дорогу не расшибешь» — “*Dieser Borja ist durch nichts kaputt zu kriegen*” переводчик передает краткую форму имени, но теряет его просторечную окраску.

Некоторые несоответствия стиля перевода стилю оригинала также были отмечены в ходе эксперимента, проведенного с помощью нейросети *Character AI*, позволяющей создавать собственных персонажей на основе текстовых описаний. Было создано два персонажа на русском и немецком языках. Сгенерированы они были на основе идентичных описаний персонажа и идентичных текстовых фрагментах оригинала и перевода, содержащих просторечия. В эксперименте участвовало 17 человек — преподаватели и студенты. Они отмечали, что немецкоязычный персонаж был менее склонен к употреблению сниженных лексических элементов, общение с ним было более

комфортным. Русскоязычный персонаж произвел более негативное впечатление, разговор с ним был более дискомфортный, а высказывания — более грубыми.

Проведенные сравнительный анализ и эксперимент демонстрируют, что адекватность передачи просторечия при переводе оказывает значительное влияние на восприятие всего текста и в особенности конкретного персонажа, для которого просторечие является неотъемлемой частью речевого портрета. Наиболее эффективными стратегиями для перевода этого языкового явления показали себя поиск относительного эквивалента и прием компенсации, наименее эффективными — транслитерация и калькирование.

Список литературы

1. *Большая* российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3168679> (дата обращения: 31.05.2024).
2. *Скляревская Г. Н., Шмелева И. Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М. : Наука, 1974. С. 88—94.
3. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001. 439 с.

Сведения об авторах

Беспалова Алина Юрьевна, студентка 2-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: AJBespalova@stud.kantiana.ru

Касинская Дарья Николаевна, студентка 4-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: DKasinskaya@stud.kantiana.ru

Лебедева Арина Владимировна, студентка 3-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: AVLebedeva123@stud.kantiana.ru

Логеева Елена Сергеевна, студентка 3-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: ESLogeeva@stud.kantiana.ru

Марченко Виктория Викторовна, студентка 2-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: ViViMarchenko@stud.kantiana.ru

Митряшкин Илья Евгеньевич, студент 1-го курса БФУ им. И. Канта (магистратура).

E-mail: MEИlya@stud.kantiana.ru

Ольховская Варвара Александровна, студентка 2-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: VRyabets@stud.kantiana.ru

Проскуряков Владислав Анатольевич, студент 3-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: VAProskurjakov@stud.kantiana.ru

Соколов Никита Романович, студент 3-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: NRSokolov@stud.kantiana.ru

Супонина София Александровна, студентка 2-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: SASuponina@stud.kantiana.ru

Фендеров Федор Энверович, студент 4-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: FFenderov@stud.kantiana.ru

Шабадрова Валерия Андреевна, студентка 4-го курса БФУ им. И. Канта (бакалавриат).

E-mail: VSHabadrova@stud.kantiana.ru

ДНИ НАУКИ — 2024

Сборник статей
по материалам научно-практической конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых

Калининград, 20—25 мая 2024 года

Под редакцией И. Н. Тарасова

Научное электронное издание

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Дата выхода в свет 14.01.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 4,3